

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

П. П. Ершов
**КОНЕК-
ГОРБУНОК**

Школьная библиотека (Детская литература)

Пётр Ершов

Конёк-горбунок

Издательство «Детская литература»

1834

Ершов П. П.

Конёк-горбунок / П. П. Ершов — Издательство «Детская литература», 1834 — (Школьная библиотека (Детская литература))

Комментированное издание любимой многими поколениями сказки. Для младшего школьного возраста.

© Ершов П. П., 1834
© Издательство «Детская
литература», 1834

Содержание

О сказке «Конёк-горбунок»	8
Часть 1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Пётр Павлович Ершов
Конёк-горбунок
Русская сказка в трех частях

П. П. ЕРШОВ

1815—1869

О сказке «Конёк-горбунок»

Послал отец Иванушку стеречь пшеницу: повадился кто-то топтать её по ночам. Послушался Иван – пошёл в дозор. О том, что за этим последовало, и о многом другом рассказал в своей сказке девятнадцатилетний поэт – студент Петербургского университета Пётр Павлович Ершов. Автор «Конька-горбунка» учился на философско-юридическом отделении. Но Ершова влекли к себе поэзия, история, музыка. Однажды он признался: «Я готов всем изящным любоваться до головокружения...»

Ершов был современником великого Пушкина, Жуковского. От них он слышал похвалу. Сказка была напечатана сначала в журнале, а потом – отдельной книгой. С памятного для Ершова 1834 года, когда это произошло, сказку о коньке-горбунке узнала и полюбила вся читающая Россия.

Поэт родился в Сибири. В детстве ему пришлось много ездить: его отец служил в беспокойной должности волостного комиссара – семья часто переезжала с места на место. Ершovy жили и в крепости святого Петра (сейчас Петропавловск), и в Омске, и на Крайнем Севере – в Берёзове (тогда место ссылок) и в Тобольске. Будущий поэт узнал быт крестьян, таёжных охотников, ямщиков, купцов, казаков, слышал рассказы о сибирской старине, от старожилы узнал сказки. Ершову, ставшему гимназистом, вновь повезло: он поселился в Тобольске у родственников матери, у купца Пилёнкова, – здесь в людской бывали разные люди. От них Ершов узнал о забайкальских краях, о далёких караванных путях на юг и восток. Пришло время, и сам Ершов стал рассказчиком-сказочником.

В Петербург Ершов приехал с родителями, с братом, который тоже стал студентом. Они поселились на городской окраине, в небольшом деревянном доме. Вечерами, улёгшись в постель, Ершов любил рассказывать домашним сказки. Здесь-то впервые и услышали друзья от поэта его сказку о коньке-горбунке. Сказка была перенята от сибирских сказочников, но не всегда легко решить, где перед нами искусство народа, а где собственное творчество Ершова.

Едут близко ли, далёко,
Едут низко ли, высоко
И увидели ль кого —
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дело мёшкотно творится.

Как тут не узнать слов из народных сказок: «Близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли – скоро сказка сказывается, не скоро дело делается». Или вот ещё – конёк-горбунок трижды спрашивает у опечаленного Ивана:

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил?»

А дело в том, что царь посылает Ивана к океану; горбунок неизменно утешает своего хозяина:

«Это – службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди!»

В народных сказках герой тоже находит утешение у своих друзей и помощников. Они тоже спрашивают у него, почему он невесел, почему голову ниже плеч повесил, и утешают теми же словами: «Это не служба – службишка, служба будет впереди». Из народных сказок Ершов взял и слова о преображении Ивана:

И такой он стал пригожий —
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать!

Нетрудно узнать обычную сказочную концовку и в последних стихах о свадебном пире:

Сердцу любо! Я там был,
Мёд, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

Но поэт не только пересказал своими стихами сказки народа. Ершов украсил народный вымысел, расцветил его своей выдумкой, дополнил его. Вот Иван караулит ночью пшеницу – сидит под кустом, считает на небе звёзды:

Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.

Мы можем проследить за всеми движениями Ивана: вот его слух поразило внезапное ржание, вот он привстал, вот приложил руку к глазам, чтобы лучше рассмотреть что-то там вдали, – и увидел кобылицу. Ершов даёт волю своей фантазии:

Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.

В сказках народа много чудесного, но можно поручиться, что точно такого описания в них не найти.

«Конёк-горбунок» захватывает нас вымыслом. Чего только не узнаём мы и где только не пребываем вместе с Иваном и его горбунком! В сказочной столице – на торгу, в конном ряду, в царской конюшне, у океана-моря, в диковинных краях, где водятся жар-птицы, на морском берегу, у самой кромки прибоя, откуда открывается пустынный простор и видно, как гуляет «одинёшенек» белый вал. Вот Иван доскакал на горбунке до поляны:

Что за поле! зелень тут
Словно камень-изумруд;
Ветерок над нею веет,
Так вот искорки и сеет;
А по зелени цветы
Несказанной красоты.

Вдали возвышается гора, «вся из чистого серебра» – ослепительный блеск разлит вокруг. Перед нашим мысленным взором открывается красота волшебного мира.

Ершов без боязни сочетает волшебный вымысел с шуткой. Поперёк океана неподвижно лежит кит – чудо-юдо. Сметливые крестьяне поселились на нём:

Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве, меж усов,
Ищут девушки грибов.

Поэт весело смеётся над давними фантастическими рассказами о том, что земля держится на трёх китах.

Шутливость никогда не оставляет Ершова. Она постоянно сопровождает самые восторженные его описания. Ивану не показалась прекрасной даже царевна: увидав её, он разочарован – она кажется ему бледной, тонкой:

«А ножонка-то, ножонка!
Тьфу ты! словно у цыплёнка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму».

Пересказывая народные сказки, Ершов сохранял их острый социальный смысл. Симпатии автора всецело на стороне гонимого и презираемого Ивана. Иван слыл дурачком уже в родной семье; он и вправду кажется дурачком: лежит на печи и распевает во всю мочь: «Распрекрасные вы очи!» Но вот вопрос: а чем его лучше старшие братья?... Они не горланят песен, не лезут на печь в лаптях и малахее, не стучат в двери так, что «чуть кровля не валится», но иных достоинств у них нет. Напротив, в них много плохого: никто из них не верен слову, они обманывают отца, нечисты на руку. Ради выгоды они готовы на всё – были бы рады погубить Ивана. Тёмной ночью они посылают его в поле за огоньком, в надежде, что он не вернётся обратно.

Сам же думает Данило:
«Чтоб тебя там задавило!»
А Гаврило говорит:
«Кто-петь знает, что горит!
Коль станичники пристали, —
Поминай его, как звали!»

Но всё происходит наперекор желаниям братьев. Ершов делает Ивана удачливым. Почему?

Потому что Иван никому не желает зла. Его «глупый ум» в том, что он не крадёт, не обманывает, верен слову. Он не строит козней против ближних. Всякий раз, сделав доброе дело, Иван беззаботно поёт: поёт, возвращаясь из дозора, «Ходил молодец на Пресню»; поёт по дороге в балаган, где у него стоят кони. И уж настоящее веселье – общая пляска – произошло в столице, когда Иван был взят на службу к царю. Весёлый, добрый и простодушный Иван потому и нравится нам, что не похож на тех, кто считает себя «умным».

Презираемый и обманываемый братьями, Иван стал жить при царском дворе. Иван сам удивлён перемене в своей судьбе. По его словам, он «из огорода» стал «царский воевода». Невероятность такого изменения в судьбе Ивана высмеяна самим поэтом, но без такого хода действия не было бы и сказки.

Иван и на царской службе остался прежним: он выговорил себе право вдоволь спать («А не то я был таков»). Ершов часто говорит о том, что Иван спит так крепко, что его едва могут добудиться. Иван чуть не погубил себя, заснув у шатра девицы под её пение и игру на гусях. Недовольный горбунок толкнул его копытом и сказал:

«Спи, любезный, до звезды!
Высыпай себе беды!»

Иван и хотел бы остаться беззаботным, да на царской службе беззаботным быть нельзя. Иван должен стать иным. Он учится этому. Чтобы не уснуть, не упустить ещё раз Царь-девицу, Иван набрал острых камней и гвоздей: «Для того, чтоб уколотся, если вновь ему вздремнётся». Верный конёк учит своего хозяина: «Гей! хозяин! полно спать! Время дело исправлять!» Конёк – воплощение чудесной сказочной силы, которая приходит на помощь Ивану. Эта сила действует против царедворцев и самого царя. Беды, в которые попадает Иван, грозны. Царь узнал из доноса спальника, что Иван скрывает перо Жар-птицы. Царь в гневе. Он добивается у Ивана признания: «Отвечай же! Запорю!..» Царское желание иметь перо Жар-птицы – одна прихоть и вздор. Царь смешон: получив перо, он забавляется им, как дитя игрушкой: «Гладил бороду, смеялся и скусил пера конец». Приказывая поймать Жар-птицу, царь грозит в случае неповиновения посадить Ивана на кол:

«Я, помилуй Бог, сердит!
И с сердцов иной порою
Чуб сниму и с головою».

Иван для царя «холоп» и не должен перечить ни его словам, ни желаниям. Таков и приказ искупаться в кипятке:

«Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье, —
Я отдам тебя в мученье,
Прикажу тебя пытать,
По кусочкам разрывать».

Неблагодарность царя, которому Иван оказал столько услуг, доносы, лицемерие придворных, их ловкая клевета – вот что причиняло несчастья даже таким нетребовательным, незлобивым людям, каков Иванушка.

Ершов противопоставил этому вполне реальному злу сказочную силу конька-горбунка.

Сказочный конёк-горбунок, как всякая хорошая выдумка, заключает в себе серьёзную мысль: силу царя и его придворных может сокрушить сила верного товарищества. Ершов опозитизировал это чувство. Даря Ивану коней, кобылица сказала:

«Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за чёрную, слышь, бабку.
На земле и под землёй
Он товарищ будет твой...»

Ершов сам раскрыл внутренний смысл сказочной выдумки: товарищество способно творить чудеса. И в жизни со студенческих лет Ершов верил в силу верной дружбы. В университете он встретил Константина Тимковского. Они подружились. Оба мечтали о полезной деятельности на благо России: им казалось, что они могут преобразить жизнь в Сибири, сделать край каторги и ссылки цветущим, а народы, его населявшие, просвещёнными. Друзья поклялись быть верными этому стремлению и даже обменялись кольцами. На внутренней стороне колец были выгравированы первые буквы латинских слов *Mors et Vita*, что значило: «Смерть и Жизнь». Друзья поклялись всю жизнь до самой смерти оставаться верными общему гражданскому долгу. Всей своей деятельностью после окончания университета Ершов – учитель русской словесности в Тобольской гимназии, а потом инспектор, директор её, а спустя время управляющий дирекцией училищ всей обширной Тобольской губернии, подтвердил верность своей клятве. По-разному сложилась жизнь друзей, но путь каждого имел началом клятву на верность России, скреплённую чувством товарищества. Это чувство и было воспето Ершовым в сказке.

Горбунок делит все радости и печали Ивана. Когда настало время самого сурового испытания – прыгать в кипящий котёл, горбунок сказал, что теперь понадобится вся его дружба:

«И скорее сам я сгину,
Чем тебя, Иван, покину».

Это-то и придало Ивану решимость:

На конька Иван взглянул
И в котёл тотчас нырнул...

Настоящая сказка всегда близка к правде. Поэт сохранил множество примет народной жизни. Собираясь в дозор, братья берут с собой вилы, топор – те орудия труда, которые крестьянин мог превратить и в оружие. Пойманную кобылу Иван загнал в пастушеский балаган – временный загон под навесом. Собираясь в дорогу, Иван берёт с собой три луковицы, кладёт за пазуху хлеб, а небогатую поклажу сложил в мешок. Сказочная столица очень похожа на российский губернский или даже уездный город. Городничий с отрядом усачей прочищает дорогу в толпе, рассыпая удары налево и направо: «Эй! вы, черти босоноги! Прочь с дороги! Прочь с дороги!» Народ снимает шапки. Торговые гости-купцы в сговоре с надсмотрщиками, обманывают и обсчитывают покупателей. На торгу идёт не только денежная торговля, но и обмен натурой. Кричат глашатаи. Царь ездит в сопровождении стрельцов. Такие описания очень украсят сказку и придадут достоверность выдумке.

Красят сказку и упоминания о времени, хотя и краткие, но выразительные – говорится об утреннем свете, дневном блеске неба, вечернем сумраке и ночной темноте: «Только начало зариться», «Ясный полдень наступает», «Вот как стало лишь смеркаться», «Стало на небе темнеть», «Запад тихо догорал», «Ночь холодная настала», «Ночь настала, месяц всходит». Яркая картина набросана стихами:

Время к вечеру клонилось;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,
Развернулася заря.

Ершов усвоил из речи народа множество слов и выражений, вроде «зориться», «о полночь» и подобных им. Бытовая речь придала сказке особенные художественные свойства.

Попав на небо, Иван размышляет:

«Эко диво! Эко диво!
Наше царство хоть красиво...
А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится.
Что земля-то!.. Ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая,
А уж светлая какая!..
Посмотри-ка, горбунок,
Видишь, вон где, на восток,
Словно светится зарница...
Чай, небесная светлица...
Что-то больно высока!»

В этой речи и восторг, и размышление, и удивление, и сравнение, и предположение, и ирония. Это живая народная речь с остановками, неожиданными поворотами в течении. В неё вошли и просторечные слова: «эко», «чай», «больно», и их нельзя заменить никакими другими – вместо «Эко диво!» сказать «Вот диво!» или «Какое диво!», вместо «чай» – «наверное», «вероятно», а вместо «больно высока» – «очень высока». Заменить слова – означало бы утратить народный оттенок в сказочной речи.

Ершов блистательно владел стихом. Как у всякого настоящего поэта, у Ершова стих был сильным поэтическим средством. Вот только один пример: на обратном пути из небесного царства Иван достиг океана —

Вот конёк бежит по киту,
По костям стучит копытом.

Ритм сам по себе становится изображением стука копыт. Но вот бег конька сменяется прыжком, и ритм становится другим:

Понатужился – и вмиг
На далёкий берег прыг.

Рассказывают, что Пушкина восхитило мастерство Ершова. Молодой поэт учился у великого мастера. Считают, что начало сказки – четыре стиха «За горами, за долами...» – правил Пушкин. Не случайно стихи:

«Путь-дорога, господа!
Вы откуда и куда?» —

навеемы «Сказкой о царе Салтане», где есть строчки:

«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили, куда?»

А стих Ершова «Пушки с крепости палят» сочинён по образцу пушкинского: «Пушки с пристани палят».

Сказка Ершова – прекрасное и высокое произведение искусства. Поэт почувствовал и передал очарование народных сказок, а главное, разделил народные понятия и представления.

Как и простые люди, Ершов мечтал о победе добра и справедливости. Именно это сделало сказку о коньке-горбунке всенародно признанным произведением.

Умер поэт в августе 1869 года. При жизни Ершова сказка была издана семь раз и много раз после кончины автора. Пушкин мечтал издать сказку с картинками. Но стоять такая книга должна была дешево.

Скачет и скачет горбунок в сказке Ершова от одного поколения людей к другому, и весёлый стук его копыт прозвучит ещё для многих читателей.

В. Аникин

Часть 1

Начинается сказка сказываться.

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба – на земле,
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына.
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счётом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.

В долгом времени аль вскоре
Приключилось им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.

Мужички такой печали
Отродясь не видали;
Стали думать да гадать —
Как бы вора соглядать;
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами побережь,
Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат собираться:
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала,
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сенник¹.
Ночь проходит, день приходит;
С сенника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
«Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождём я весь промок
С головы до самых ног!»
Братя двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал,
На моё ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмя и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, всё благополучно».

Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всём,
Не ударил в грязь лицом».

¹ Сенник — навес, под которым хранилось сено.

Стало сызнава смеркаться,
Средний брат пошёл собирать:
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать —
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу:
«Эй вы, сони! Что вы спите!

Брату двери отоприте;
Ночью страшный был мороз —
До животиков промёрз». —
Братя двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал,
Да, к моей судьбе несчастной,
Ночью холод был ужасный,
До сердцов меня пробрал;
Всю я ночь проскакал;
Слишком было несподручно...
Впрочем, всё благополучно». —
И ему сказал отец:
«Ты, Гаврило, молодец!»

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведёт,
На печи в углу поёт
Изо всей дурацкой мочи:

«Распрекрасные вы очи!»
Братя ну ему пенять,
Стали в поле погонять,
Но, сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли:
Он ни с места. Наконец
Подошёл к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша;
Я куплю тебе лубков²,
Дам гороху и бобов».
Тут Иван с печи слезает,
Малахай³ свой надевает,
Хлеб за пазуху кладёт,
Караул держать идёт.

² Лубки – картинки, большей частью раскрашенные, с изображением героев сказок, былин.

³ Малахай – названия длиннополой широкой одежды без пояса, а также меховой шапки с ушами.

Ночь настала; месяц всходит;
Поле всё Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;
Звёзды на небе считает
Да краюшку уплетает.
Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.

«Эхе-хе! Так вот какой
Наш воришко!.. Но постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, минуточку луча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватается
И прыгнул к ней на хребёт —
Только задом наперёд.
Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась как стрела.
Вьётся кругом над полями,
Виснет пластью⁴ надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет, силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном;
Но Иван и сам не прост —
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
«Ну, Иван, — ему сказала, —
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною,
Сколько смыслишь. Да смотри:
По три утренни зари
Выпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трёх дней
Двух рожу тебе коней —
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да еще рожу конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за чёрную, слышь, бабку⁵.
На земле и под землёй

⁴ Пластью — пластом, распластавшись.

⁵ Бабка — игральная кость.

Он товарищ будет твой:
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет,
В голод хлебом уостит,
В жажду мёдом⁶ напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».

«Ладно», – думает Иван
И в пастуший балаган⁷
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню
«Ходил молодец на Пресню».
Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо⁸,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,

⁶ Мёд – медовый напиток с добавлением хмеля и пряностей.

⁷ Балаган – шалаш, загон с навесом.

⁸ Кольцо – железная круглая ручка у дверей, была соединена с запором.

И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь, вскричали:
«Кто стучится сильно так?»
«Это я, Иван-дурак!»
Братья двери отворили,
Дурака в избу впустили
И давай его ругать —
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведёт оттуда речь
Про ночное похождение,
Всем ушам на удивление:
«Всю я ноченьку не спал,
Звёзды на небе считал;
Месяц, ровно⁹, тоже светил, —
Я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бороною и с усам;
Рожа словно как у кошки,
А глаза-то — что те плошки¹⁰!
Вот и стал тот чёрт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею —
И вскочи ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал.
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его, как в жомах¹¹.
Бился, бился мой хитрец
И взмолился наконец:
„Не губи меня со света!
Целый год тебе за это
Обещаюсь смирно жить,
Православных не мутить“.
Я, слышь, слов-то не померил¹²,
Да чёртенку и поверил».
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали,
Не смогли — захохотали,

⁹ Ровно — как будто бы, словно, кажется.

¹⁰ Плошка — большая круглая плоская посуда с салом и фитилём; горячей плошкой освещали помещение. Крупные глаза сравниваются с горячей плошкой: «А глаза-то что те плошки».

¹¹ Жомы — тиски.

¹² Померить — обдумать, свериться с истиной.

Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не мог сдержаться,
Чтоб до слёз не посмеяться,
Хоть смеяться – так оно
Старикам уж и грешно.

Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало, —
Я про это ничего
Не слышал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело, —
Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.

Ну-с, так вот что! Раз Данило
(В праздник, помнится, то было),
Натянувшись зельно¹³ пьян,
Затащился в балаган.
Что ж он видит? – Прекрасивых
Двух коней золотогривых
Да игрушечку-конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
«Хм! Теперь-то я узнал,
Для чего здесь дурень спал!» —
Говорит себе Данило...
Чудо разом хмель посбило;
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:
«Посмотри, каких красивых
Двух коней золотогривых
Наш дурак себе достал, —

¹³ Зельно – весьма, сильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.